

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ТЕКСТОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: РОССИЙСКИЙ ИЗЛОМ

А.А. Атанов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати

10 декабря 2019 г.

Дата онлайн-размещения

20 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Россия; возможность; действительность; реальность; воздействие на сознание; социализм; капитализм; империализм; социум; фантазм; желание; В.И. Ленин; И.В. Сталин; воля; субъект; объект; марксизм; литература

Аннотация

В статье исследуются тексты, которые в значительной степени повлияли на формирование субъекта и субъектных отношений в России начала и середины XX в. Это тексты В.И. Ленина и И.В. Сталина, касающиеся пролетарской революции, капитализма и империализма. Отслеживается смысловое нарушение В.И. Лениным и И.В. Сталиным канонических марксистских догматов исходя из постулируемой ими ссылки на изменившиеся исторические условия. В качестве методологических принципов, лежащих в основании исследования, выступают диалектика, теория объектов, регрессия, логический анализ понятийных структур. Объектом исследования является структура фантазмов, возникающих при изменении положения объекта для субъекта, который подвергается воздействию или находится под влиянием. Предметом исследования послужила текстологическая данность, выражаемая через категории «возможность» и «действительность» и понятие «воля», что позволяет четко определить первичные основания объектно-субъектных отношений в ситуации воздействия.

SOCIAL REALITY IN THE SYSTEM OF TEXTUAL INFLUENCE: THE BREAKING POINT IN RUSSIAN HISTORY

Andrei A. Atanov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

November 5, 2019

Accepted

December 10, 2019

Available online

December 20, 2019

Keywords

Russia; possibility; real life; reality; influence on one's consciousness; socialism; capitalism; imperialism; society; phantasm; inclination; V. Lenin; I. Stalin; will; subject; object; Marxism; literature

Abstract

The author considers texts which have significantly influenced the formation of the subject and subject relations in Russia in the early to mid-20th century. These are the texts by V. Lenin and I. Stalin which concern the proletarian revolution, capitalism and imperialism. In these texts, one can reveal non-observance of the canonical Marxist dogmas by V. Lenin and I. Stalin due to the changed historical context, according to them. The research is based on the following methodological principles: dialectics, theory of objects, regression and logical analysis of conceptual framework. The study object is the structure of phantasms emerging when the position of the object is changed in regard to the subject, which is exposed to impact or influenced by someone or something. The subject of the research is textual reality expressed through the categories of «possibility» and «real life» and through the notion of «will» which allows the author to clearly specify the primary bases of the object-subject relations in an influence situation.

Когда мы хотим охарактеризовать влияние на сознание другого человека (других людей), сложности возникают даже в процессе описания.

Базовая сложность заключается в том, что в системе воздействия весьма тяжело отличить объектные отношения от субъектных. Отсюда следует, что влияние или степень влияния можно проанализировать

только тогда, когда четко выделены объект и субъект воздействия, а после их выделения определен характер взаимодействия между объектом и субъектом. Взаимодействие нужно отличать от воздействия. Взаимодействие выстраивается на основании объектных отношений. В воздействии же объект смещен в отношении субъекта воздействия. Субъект в воздействии качественно другой,

совершенно не тот, что взаимодействует со смещенным объектом, а тот, кто в субъекте воздействия задает ситуацию смещения. По сути, у нас два объекта и два субъекта.

В нашем небольшом исследовании особое внимание уделяется изучению особенностей функционирования объекта и субъекта в контексте базовых категорий возможности, действительности и реальности. После этого можно перейти к выделению методологических конструктов, существующих в виде форм описания реальности. Причем реальность в самом описании может оказаться совсем не реальностью, реально описание, но нереальна реальность. Акцент в исследовании делается на российскую данность, раскрываемую через специфику форм описания, характерных для отечественного марксизма. Почему именно отечественный марксизм? Именно в нем, в его смысловых конструктах, впервые в истории человечества формы влияния на сознание человека изменили структуру реальности, приведя к созданию нового общественного строя. Как В.И. Ленин и И.В. Сталин это делали? Мы проанализируем систему воздействий на человека и социум (идеологических, мировоззренческих, психологических, философских) через призму понятий возможности и действительности в контексте взаимодействия объекта и субъекта.

Если мы изучаем объект как таковой, возникает ряд вопросов. Ведь объект качественно различается в системе как данности, так и действительности. Данность и действительность объекта не совпадают. Специфика объекта в разных областях знания порождает разные подходы к нему, выражаемые и через систему методологии. Объект всегда скрыт и нуждается в формах его раскрытия. Природа любит прятаться — это базовый тезис естественных наук. В марксизме познавательное отношение субъекта к объекту возникает как производное от предметно-практического отношения [1, с. 1]. Знание актуализируется через деятельность. В переводе с латыни слово «объект» означает «бросаю вперед, противопоставляю». То есть объект связан с системой действий, но кто сказал и определил, что действия и деятельность принадлежат исключительно субъекту? Даже когда речь идет об исследовании природных объектов и их познании, объект еще должен проявиться для субъекта. Субъекту в этом случае принадлежит основание готовности принять объект таким, какой он есть. Объект остается равным себе, но при этом раскрывается для субъекта, но не через него, а через единство, которое указывает

на определенность объекта внутри субъекта. Через единство формируются объектные отношения.

Готовность субъекта к принятию объекта раскрывается и существует только как возможность, тогда как объекту принадлежит действительность. Возможность соединения объекта с субъектом актуализирует действительность для субъекта, делая ее реальной для субъекта, но совсем не для объекта. Объект уже актуален (акт — действие), для субъекта актуальность лишь потенциальна, и то только в той степени, в какой субъект готов войти в поле действительности объекта, т.е. субъект должен манифестировать действительность как полностью адекватную действительности объекта, тогда мы можем говорить об актуальной возможности для субъекта. У Г.В.Ф. Гегеля читаем: «Действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего» [2, с. 238]. Возникает ряд вопросов о процессуальном определении действительности, в структуру которой включены объект и субъект. Ведь не всякий субъект актуализирует для себя действительность объекта. Возможно ли актуализировать действительность субъекта? Есть ли эта действительность у субъекта? Чем она отличается от действительности объекта? «Возможность есть то, что существенно для действительности, но она существенна таким образом, что она вместе с тем есть только возможность» [там же, с. 240]. «Реальная возможность некоторой мыслимой вещи есть... налично сущее многообразие относящихся к ней обстоятельств»; «реальная действительность как таковая есть ближайшим образом вещь со многими свойствами, существующий мир» [3, с. 59–60].

Стоит обратить внимание на то, что Гегель говорит о *мыслимой вещи*, т.е. вещь (расширенная до мира, это и субъект, и объект, для целей исследования останемся в рамках мыслимой вещи, как у Гегеля) уже выступает для субъекта в качестве объекта, только тогда возможность может быть выражена как обстоятельства. При этом возможность всегда только возможность, причем она существенна для действительности. Понятие «существенно» в смысловом плане подразумевает несколько указаний — существенность, существо, сущность, существование, значимость. Возможность — это то, что значимо для действительности (связано с ней, присутствует в ней). А если несущественно, незначимо? Тогда, очевидно, речь идет не о возможности. Субъект, если он дан в систе-

ме возможностей, присутствует в объекте, в результате возникает понятие «единство»: субъект и есть один из возможных объектов, или же он недообъект, или объект, воспринимающий себя субъектом, тогда мы проходим в область обстоятельств и признаков, где как возможность начинает реализовываться мыслимость. Можно предположить, что возможен чистый субъект, поглощенный своей субъективностью, лишенный тем самым и возможностей, и действительности. Причем такой субъект вполне реален, но не действителен. Реальность в этом случае не совпадает ни с возможностью, ни с действительностью, ни с существованием.

Приведем пример акцентуации на субъекте в статье А.П. Кожевиной и С.В. Дубровиной: «Основными причинами эмоционального дискомфорта являются эмоциональные переживания, связанные с недостаточностью отдыха, недостатком энергии, активности и перегруженностью делами. Так, большинство испытуемых со сформировавшимся синдромом эмоционального выгорания считают, что они не могут справиться с тем объемом дел, которые присутствуют в данный момент в реальной жизни» [4]. Кто сказал, что это действительно так (что речь идет именно о контексте эмоционального выгорания)? Почему многообразие симптомов сводится к единому основанию? Как согласуются между собой перегруженность делами и объем дел, присутствующий в данный момент реальной жизни? Вопросов больше, чем ответов. И все из-за того, что не выражено понятийное основание, отличающее действительность от возможности.

Если мы выделяем объекты в системе нашего восприятия, то существует по меньшей мере два вида таких объектов. Это объекты, доступные для наблюдения; кроме того, можно указать на объекты, которые не желают, чтобы их наблюдали. Тогда для анализа последних нужно учитывать возникающие в системе субъективного восприятия их темы желания и воли, но на самом деле, если объект скрыт от субъекта, это не воля и желание субъекта, а воля и желание объекта, подавляющего объектное в субъекте или мешающего раскрытию объективного, либо же сам субъект активно подавляет в себе объектное. Последнее представляется нам более вероятным в случае присутствия объекта в действительности. В результате у нас возникает определенность воли.

В марксизме принято волю связывать с деятельностью. В советском марксизме определение понятия «воля» существовало

в соотношении с понятиями «регулирование» и «деятельность». Воля определялась как сознательное и целенаправленное регулирование человеком своей деятельности. Первая причина воли лежит в объективном мире, отражение которого в мозге образует внутреннюю фазу воли, завершающуюся системой двигательных актов или их задержкой.

На первый взгляд, в этом определении все вроде понятно, но на самом деле содержание определения весьма неоднозначно. Идет перечисление понятий и категорий, тут есть и сознание, и цель, и деятельность, и регулирование — субъектная определенность. Затем через эти понятия происходит весьма искусственная привязка к объекту через систему указаний на объектные отношения — объективный мир, отражение, мозг. Затем к описываемым явлениям добавляется внутренняя фаза воли, система двигательных актов, задержка двигательных актов. При этом понятийно описанного перехода от субъекта к объекту нет, так же как нет и системы трансформации субъекта в объект и (или) объекта в субъект. Кроме того, даже если мы просто указываем на понятия и категории, участвующие в процессе формальной и понятийной фиксации волеизъявления, возникает весьма сложное описание. Слишком много сущностей, понятий и категорий, которые нужно определить. Но они не определены. В принципе, ничего необычного в этом нет, К. Маркс любил умножать сущности и категории, оставляя их без определений или отсылая их к действительности, которой нет. В результате возникает зыбкое описание, носящее субъективный характер, со всеми возможными эмоциями — возмущения, страха, негодования, ненависти. Но это не действительность, а лишь образ действительности, по какой-то причине признаваемый актуальным. Воля может работать и так, создавая ситуацию смещения, о чем мы упоминали в начале нашей статьи.

В смысловом плане, чтобы понять, о чем идет речь, человек, читающий о воле, должен весьма хорошо разбираться во всех тонкостях диалектического материализма, хотя бы из-за количества используемых понятий и категорий. Но в понятийном плане смущает, как мы уже отмечали, безусловное отождествление деятельности с объективным миром. В логическом плане, если у нас есть соотносимые понятия, максимум, что мы можем сделать, — это выстроить суждение, относящееся к выделенному объекту. Но объектов два (деятельность и объективный мир), тогда по меньшей мере у нас должно быть третье переходное понятие, снимаю-

щее противоречие между деятельностью и объективным миром как основание взаимного перехода (единства). А его нет. Можно сказать (мы продолжаем находиться в марксистской парадигме с ее понятийным и категориальным аппаратом), что это отражение, но отражение в диалектическом материализме связано с сознанием в целом и с материей, а не с волей или деятельностью, т.е. отражение логически более объемное понятие (которое в марксизме рассматривается как категория), его невозможно анализировать и определять в контексте воли, а возможно выделить как категорию только в контексте соотношения с материей или сознанием, иначе нарушается последовательность совместимых объемов понятий, что снова приводит к необходимости введения третьего понятия.

С другой стороны, из всех описаний субъекта и объекта в диалектическом материализме следует, что там присутствуют основания деятельностного подхода, поэтому влияние на субъекта безотносительно связывается с включением этого субъекта в систему деятельности, причем не обязательно объективной (напомним, что один из базовых критериев — *мыслимость*; если я в деятельности не мыслю, это значит, что мыслит кто-то другой, удерживающий в фокусе своей воли объект и форму воздействия на субъекта). Создается псевдооснование реальности, которое связано с воздействием. Субъект приписывает себе субъектную данность, принадлежащую другому субъекту, и называет это реальностью. Именно называет, потому что потом начинают происходить метаморфозы. Названная (в лучшем случае; в худшем идет указание на то, что «я так думаю», а в действительности место мысли уже занято фантазмом, из которого сейчас и исходит субъект) реальность в системе восприятия (это снова идеальный вариант; худший, когда реальность, данная в восприятии, подменяется фантазиями о реальности) начинает приниматься за действительную.

Объясним изложенное выше на примере. Один человек говорит другому: «Я тебя люблю». Сказанное абсолютно непонятно, если мы не учитываем действительные основания сказанного. Перечислим хотя бы некоторые из них: каким тоном это сказано; что знает тот, кому сказали, что его (ее) любят, про чувство любви, может ли он (она) его идентифицировать и отличить от других чувств; как выглядит сказавший, какая у него (нее) мимика, какое выражение лица, какая поза, какие жесты и многое другое. Все это относится к действительности, связанной с возмож-

ностями. Вспомним Гегеля: для человека возможность связывается с мыслью как о себе, так и об объекте, если этого нет, то нет и возможностей, а следовательно, не существует формы указания на действительность. В результате человек вместо наблюдения за действительностью и за объектом может погрузиться в свои переживания, которые в этом случае не обладают объектной формой. Мыслей нет, нет и возможностей, есть измененное состояние сознания. Человек для себя транслирует не смысловые формы, связанные с действительностью, а свои переживания и представления. Любому приятно, если его любят, а если человек, говорящий о любви, еще и лично симпатичен, то здоровый смысл начинает отказывать. Любое воздействие на человека связано с погружением его в субъектный, субъективный мир. Мысль умирает, не родившись, исчезают, не появившись, любые возможности.

Можем сослаться на статью С.С. Босхолова, А.П. Миронова, Т.М. Судаковой, где ярко выражен эмоциональный фон. Читаем: «При таком устойчиво сложившемся политическом и социально-экономическом стереотипе неомальтузианского и неоконсервативного западного мышления возникают серьезные трудности с окончательным разоблачением их преступных и опасных для мировой цивилизации идей и рекомендаций» [5, с. 730]. Откуда такая горячность по поводу мальтузианства? Почему идеи Мальтуса преступны и опасны для мировой цивилизации? Из контекста статьи следует, что они опасны для России. Зачем что-то разоблачать, если можно спокойно проанализировать? Лексика указывает на искаженное положение объекта исследования в контексте эмоций, на деле объект совершенно другой. Лексика отсылает нас к прошлому, в котором нет истории, так как нет действительности и нет возможностей, где царит погруженный в себя субъект.

Продолжим объяснения. Если нам говорят или мы полагаем, что в моих бедах виноват некий враг, то как я реагирую на этого врага в субъективности? Только враждебностью. Идеальный (личный) вариант, чтобы врага не было (он исчез, погиб, был уничтожен). Но наши желания или нежелания в действительности не оказывают на врага никакого действия, говорят, «хотеть не вредно». Обратите внимание: тема желаний должна быть заменена на тему воли, причем необязательно личной, но обязательно выраженной объективно.

В контексте воли, а не хотения (желания) возникает другая ситуация: кто-то позволяет

человеку выплеснуть его враждебность, говоря, что враг потому враг, что вы чувствуете к нему враждебность (и это так по ряду причин; но причины здесь лишь подтверждают враждебность, будучи действительными для чужой воли, а не для наших желаний). Мы становимся правыми не потому, что правы, а потому, что нам объяснили, что мы правы, никаких объективных оснований для этого нет. Если после этого следует объяснение, что врага можно уничтожить, и он действительно причина всех возможных проблем (личных, социальных и др.), то не здесь ли кроются причины рождения войн и революций? А реальное основание для всего этого лишь субъективная захваченность враждебностью, которую внезапно стало возможно выражать на практике. Враг — буржуй, враг — эксплуататор и так далее и тому подобное, причем чем более абстрактное определение нам предлагают, тем больше врагов. В результате пыльным цветом расцветает враждебность, становясь реальностью, а не желанием. Взгляд завистника очень внимателен. Именно завистника. Если у соседа отара на одну овцу больше, значит, он уже богач, враг, его нужно уничтожить, особенно если дана санкция на уничтожение. Санкция в системе субъективного опыта создает реальность, но реальность не действительного и возможного, которое воспринимается человеком только через усилия мысли и выражается в понятийной или категориальной форме, а чувственно-образную субъектную реальность, главным эффектом которой является поглощенность самим собой, так как исчезает объект. При отсутствующем объекте мыслить и понимать невозможно — можно только переживать, проживая бесконечный цикл страстей.

Когда люди начинают рассуждать о чем-то, они весьма часто опираются на набор клише и убеждений. Почему это происходит? Э. Бернейс в книге «Пропаганда» отмечает: «Психологи-фрейдисты были едва ли не первыми, кто указал на то, что мысли и действия человека нередко служат заместителями желаний, которые он вынужден подавлять. Подлинной причиной стремления к обладанию может быть не истинная ценность вещи, не ее полезность, а то, что человек бессознательно воспринимает ее как символ чего-то иного, некоего желания, в котором он стесняется себе признаться» [6]. По сути дела, у человека, попадающего в сферу подавления желаний, полностью исчезают основания, которые философия считает существенными признаками для построения

достоверных суждений. Это логика, мышление и принцип реальности, относимый не только к внешнему миру, но и к себе исходя из формируемого единства, где ключевую роль играет объект. Субъект, по Бадью, является конечным случайным произведением. Акцент при оформлении себя в качестве индивидуальности необходимо сделать на случайности, т.е. произвольности.

У Ж. Лакана читаем, что должен сделать анализируемый в конце аналитического лечения, когда он регрессирует от желания, которое поддерживается фантазией к влечению. Ж. Лакан отмечает, что существует желание, не поддерживаемое фантазией. Это желание соответствует субъективной позиции аналитика, содержащейся в представлении, что во мне есть нечто, превышающее меня самого, это желание и делает меня достойным желания другого. По сути, признавая это желание, мы избегаем эффекта переноса на субъекта, который знает, верит, наслаждается. Формула, делающая возможным коллективное сосуществование [7, p. 851–854].

Возвращаемся к анализу объектов, которые не желают, чтобы их наблюдали. Такие объекты не сущностны, сущность в системе действия или движения — это по преимуществу тема удержания, фиксации, привязки и определенности. Тут же определенность существует для самого объекта, а не для другого. Ближайший эквивалент определения для таких объектов — это кантовская «вещь в себе», или, более точно, вещь сама по себе. Переходя к Гегелю, можем вспомнить: «Реальная действительность как таковая есть ближайшим образом вещь со многими свойствами, существующий мир». По сути дела, мы и оказываемся в подлинной реальности, которую можно только принимать. Если речь идет о реальности, связанной с желанием, то желание — это тема свободы и возможности выбора, но все это только на первый взгляд. Вспомним Ж. Лакана: желание может быть основано на фантазме, на непроработанной или больной психике. Все изложенное выше относится к субъекту желаний. С объектом дело обстоит совершенно иначе. Если объект присущ желанию, из этого следует вывод, что объект обладает волей либо что существуют ускользающие объекты. Ускользающий объект связан с темой ускользания и проскальзывания, ускальзывания. Объект скользит, в результате должен скользить и наблюдающий за объектом. Возможным «дефектом» следования за таким объектом оказывается нарушение чувства равновесия у наблюдателя, что автоматически подразу-

мевают необходимость подстройки под объект. Тогда, чтобы наблюдать объект, нужно скользить, следуя его скольжению. Возникает другой вопрос: как здесь сопрягается с объектом воля и желание? Ответ весьма прост, только в системе следования.

Иногда видение объекта совсем не видение, а следование за знакомыми абрисами действительности, которые признаются реальными, но они лишь привычные и знакомые. Чаще всего такая реальность адресная. Я смотрю туда, куда велено смотреть. Мой друг однажды обратил мое внимание на семью Ростовых из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Было предложено следить за фактами, а не за авторскими предпочтениями писателя. Если следовать фактам, Николай Ростов очень удачно женился, после того как разорил семью своего отца. Наташа Ростова меняла женихов, изменяла им, способствовала разорению семьи отца, как и брат, удачно вышла замуж (за очень богатого Пьера Безухова) и «по мнению Толстого» превратилась в самку. Муж ее с его специфической «общественной» деятельностью прямой дорогой идет на каторгу или как минимум в ссылку, судя по его разговорам и действиям. В случае его ссылки или каторги не получит ли Наталья свободу и доступ к Анатолям, будучи свободной обеспеченной женщиной? Необычный персонаж и сам Пьер. Один из самых богатых людей России, он активно занимается разрушением общественного строя, который дал ему все его ресурсы.

В романе присутствует еще один странный женский образ — Сони, которая живет в качестве приживалки, но при этом влюблена в Николая Ростова. Какие чувства она испытывает? Что думает о Ростовых? Это все обрисовано Толстым как обычная тема, сопряженная с темой семейного счастья. Так ли все нормально, если рядом с вами, в вашей семье живет молодая женщина, любящая вашего мужа? Это про семью? Какие отношения у вашего мужа с этой женщиной?

На уровне фактов тема хорошо продуманных и материально структурированных браков никуда не делась. Пьер и княжна Марья не самые привлекательные персонажи, не самые обаятельные, не самые красивые. Их роднит одно — они очень богаты. Поэтому они достойные партнеры для «хороших» Ростовых. Толстой открытым текстом об этом не говорит, но интересы Натальи и Николая в материальной и денежной плоскости вполне очевидны. При анализе таких сюжетов и произведений абсолютно неприменима логика, что персонажи произведения нравят-

ся автору, в анализ нужно включать совершенно другие факторы. Обычный подход «да — нет» не подходит.

Нравится ли М. Шолохову Григорий Мелехов, главный герой «Тихого Дона»? Пожалуй, нет. Почему? Мы можем это определить по сбитому хронотопу и странно выраженным событиям романа. В реальности Григорий — молодой человек, которому на момент окончания романа 26 лет, а изображен он зрелым мечущимся человеком. Профессиональный воин не может защитить себя от Мишки Кошевого, предпочитая терпеть и страдать. Может, проще избавиться от угрозы для своей жизни и для жизни своих детей? Чему научит детей Мелехова Кошевой — жечь дома, убивать? Можно сделать и другой вывод: может, Мелехов и ушедшие с ним с фронта домой казаки трусы? Весьма похоже. Потому Мелехов и боится Кошевого.

Насколько мы понимаем, жизнь казаков изображена через призму жизни казачества конца 20-х — начала 30-х гг., а не через ситуацию реального времени, когда происходили события. Поэтому возникают странные формы рассмотрения жизни Григория Мелехова через ситуацию «как будто». Думаем, реального литературного Григория убили в Новороссийске, а то, что писалось позже о его жизни в романе, когда Григория будто бы отпустили красные, хотя он был командиром повстанческой дивизии, не имеет никакого отношения к действительности. Логически необъяснимо, как Григорий мог выжить, когда в Новороссийск, а точнее в Новороссийский порт, вторгаются красные, которые видят на причале не успевших уплыть за границу белых и повстанцев. Тема милосердия? Весьма сомнительно. Как Григорий после этого оказывается в рядах красных? У Шолохова нас всегда смущала тема очень точного описания Польши, Австрии, офицерской и повстанческой жизни, относимых не к эпохе 20–30-х гг., а к гораздо более раннему периоду. Так может писать только очевидец. Это явно не тема писательской гениальности, а тема знания фактов, относящихся к тому или иному явлению.

Напомним, что в философии в диалектических системах возможность и действительность выступают в качестве категорий. Категории всегда опираются на соответствующие принципы, закладывающие основания применения диалектической системы исходя из мировоззренческих основ. В советской философии принцип детерминизма описывался через категории причины и следствия, возможности и действительности, необходимости и случайности. Характер

детерминистической связи вполне очевиден. Реальность — это не про действительность, реальность — это то, что может определять и возможность, и действительность или вообще находиться за пределами возможности и действительности. В материалистических системах возможность есть объективно существующая тенденция развития предмета, возникающая на основе той или иной закономерности развития предмета, и выражает эту закономерность; действительность есть объективно существующее единство закономерности взаимосвязи развития предметов и всех ее проявлений.

Г. Багатурия приводит весьма интересный пример взаимодействия возможности и действительности в вопросе построения социализма в Советском Союзе: «КПСС вела борьбу на два фронта: против троцкистского отрицания возможности построения социализма в СССР и против правоопportunистического игнорирования возможности реставрации капитализма. КПСС указала на объективные и субъективные условия превращения возможности построения социализма в действительность» [8, с. 272].

Возникает ряд вопросов. Что за теоретик такой — КПСС? Причем аутентичное наименование партии в тот исторический период — ВКП(б). Судя по всему, существует некий обезличенный разум или, что более вероятно, автор, который и выступает от имени КПСС (ВКП(б)). Тогда, если мы сосредоточиваемся на теме возможностей, у нас рождается автор, который соответствует возможностям и действительности, а совсем не идеям правых и левых. Возникает разрыв реальности, где данность занимает место действительности. Почему данность? Потому, что автор работает не с действительностью, а с системой представлений о действительности, выбирая, какое представление о действительности окажется более жизнеспособным. Если мы начинаем описывать процесс через критерии жизнеспособности, тогда это не действительность, а реальность, переведенная в форму жизненности. У нас есть замечательная «возможность» взглянуть на левых и правых, исходя из будущего, которое для нас настоящее — в нашей современности несостоятельными оказались не только их взгляды, но и генеральная линия ВКП(б), тема социализма и тема объективных и субъективных условий построения социализма. Г. Багатурия далее в тексте заявляет о социализме как о действительности, причем действительной для «него» является тема построения коммунизма. Насколько это все реально? Возникает более

общий вопрос: что реально в социальной действительности? Для периода 20-х гг. XX в. безусловно отвергнутыми оказались взгляды левой и правой оппозиции. Взглянем на смысл высказываний оппозиционеров без предвзятости. Для начала мы не очень понимаем, что такое социализм, если его рассматривать в теоретическом плане. Есть масса утопических теорий на этот счет, но ведь не стоит забывать, что Утопия — это место, которого нет. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса теория социализма не проработана.

Остаются только отечественные теоретики социализма В.И. Ленин и И.В. Сталин — с диктатурой пролетариата в крестьянской стране, с многоукладной экономикой. В их трудах создается тема локальной истории России как звена, которое нужно исключить из мирового исторического процесса. В их трудах не воспроизводится тема всемирного исторического процесса, как у классиков марксизма. Возникает впечатление, что Россия выключается из истории человечества, переходит в стадию и состояние самоизоляции. Вспомним причины коллективизации — из-за недостатка продовольствия, индустриализации — из-за темы безопасности, а не из-за развития покупательной способности населения. Союзников нет, друзей нет — что это за выбор такой? А вроде бы воспроизводим прогрессивное западное учение.

Но получается что-то не то. Прислушаемся к словам оппозиционеров: правыми игнорируется возможность возрождения капитализма; левыми игнорируется возможность построения социализма. Но суть не в этом. Чтобы реализовать социализм как общественный строй, троцкисты предлагали совершить мировую революцию, правые — ввести элементы капиталистической организации производства. Тогда, если мы говорим о категории «возможность», реализуемые возможности совсем не про то, так как нет выхода на действительность, которую можно определить, четко структурировав реальность. Ключевая линия развития страны исходит из позиции изоляции и окружения врагами. Почему тогда в анализе все это рассматривается через тему возможностей? Откуда в этой системе могут появиться понятия объекта и субъекта, как они связаны с понятием «условия»? На первый взгляд, вроде бы все понятно, но на самом деле ничего не понятно из-за понятийной неопределенности происходящих процессов. Следовательно, вместо понятий (мысль, понимание, значение) актуальными являются структуры, воздействующие на личное и массовое со-

знание, означающие все уровни сознания. Отсюда с очевидностью следует, что существует структура более высокого уровня, которая определяет реальность, а никакие не возможности, на которые ссылается Г. Багатурия. В такой системе возможностей нет. Действительность уже определена и удерживается структурами реальности.

Если мы воспользуемся исторической ретроспективой, когда по прошествии времени все вроде бы стало очевидным и понятным, то мы столкнемся с удивительной картиной. Ни одна из возможностей и ни одна из картин действительности нереальны. Ни правый уклон, ни левый, ни линия партии недействительны — все это лишь формы описания, которые исторически ничему не соответствуют. Что же было в этот период на самом деле? Мы не знаем, так как имена, употребляемые в описании действительности, являются ложными. Под именем мы понимаем сущностную определенность явления относительно других явлений, выраженную в структуре смысла.

У Конфуция в его системе было базовое методологическое основание — исправление имен. «Говорите правду, и тьма рассеется», — именно отсюда. Для начала явление должно быть точно определено и локализовано. Явление занимает свое место, после этого ему дается четко определенное имя. Позднее в науке для этих целей стали использоваться понятия. В китайской же системе мышления, которая опирается на систему намеков на действительное положение дел, этим целям служат имена.

Мы можем наблюдать такое мышление не только у Конфуция, но и у Лао-цзы [9, с. 210]:

Как ты можешь добром называть
То решенье, что сеет досаду?
Ведь непросто забыть ее, но раздору
Может новый путь проложить.

По сути, если я чувствую реальную досаду, не нужно называть ее добром. Это досада. Возникает вопрос, что обладает реальными именами, когда мы говорим о реальной социальной действительности, хотя бы в рамках анализируемых в этом тексте явлений. Социализм? Но он оказался исторически несостоятельным. Или все-таки это был не социализм? Тогда что это за общественный строй и на чем он базируется? Если мы вводим критерий развития от простого к сложному, снова появляются вопросы. Все помнят ключевой тезис В.И. Ленина о России как о слабом звене среди капиталистических государств.

И.В. Сталин в книге «Марксизм и вопросы языкознания» указывает, что «Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что в новых условиях развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах, что старая формула Маркса и Энгельса уже не соответствует новым историческим условиям» [10]. Это формулировка Сталина говорит сразу о нескольких вещах:

1. Существуют старые формулы марксизма.
2. Формулы марксизма (их правильность) зависят от степени их соответствия историческим условиям.
3. Кто и на каком основании определяет степень соответствия формулы историческим условиям?
4. Что такое неравномерность?
5. Что такое цивилизованная страна?
6. Что такое вызревание революции?
7. Как можно сделать такие выводы, исходя из марксистской теории в авторском изложении К. Маркса и Ф. Энгельса?

Впервые свой тезис о возможности победы социализма в одной стране В.И. Ленин сформулировал в августе 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Статья эта была напечатана в № 44 газеты «Социал-Демократ» — центральном органе партии, выходившем тогда в Швейцарии, в Женеве. Интересным является место публикации — место, где, как мы знаем из исторической ретроспективы, революции не происходили. Процветали и активно развивались революционные движения не швейцарские, а других стран. При этом все революционеры независимо от национальной принадлежности весьма законопослушны и не ведут подрывную деятельность против Швейцарии. Судя по всему, издаваемая газета вполне вписывается в круг западноевропейских социал-демократических изданий, но революция почему-то произошла в России. И правда, почему?

Вот формулировка этого вывода в статье В.И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экс-

проприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...» [11, с. 311].

Если мы терминологически точно определяем закон, то это — устойчивая, повторяющаяся, необходимая и сущностная связь. Акцент делается на необходимость и сущность, т.е. связь в законе носит всеобщий, а не общий характер. Тогда почему определенный Лениным закон является законом капитализма, а не чего-то другого? Может, это формулировка закона власти, а не капитализма и подлинная форма закона находится в границах определения — каждый, кто властвует, обладает большими ресурсами, чем те, над кем властвуют?

Интересно выглядят ресурсы, на которые опирается победивший пролетариат.

1. Экспроприировать нужно своих капиталистов.

2. Необходимо организовать социалистическое производство (непонятно, что это такое, если только мы не говорим о надстройке и надстроечных отношениях; различия между продуктами капиталистического и социалистического производства нет никакой, они в одинаковой степени материальны, ведь речь идет не об экономическом базисе, а именно о продуктах, удовлетворяющих потребности людей, разница между социализмом и капитализмом в этой области отсутствует). Если мы говорим о большей эффективности социалистического производства по сравнению с капиталистическим, то тогда нужно говорить о новых, в том числе теоретических, формах организации производства. Или же о том, что в результате революции у нас появляются качественно иные люди, с измененной природой — работающие, думающие, ответственные, трудолюбивые, умные, искоренившие свою алчную природу, думающие о других, понимающие чаяния других. Что-то попахивает какой-то как минимум Утопией. Человеческий материал явно останется прежним. Разработки новых теорий производства могут появиться при качественном изменении отношения к науке, что в историческом плане займет не один десяток лет. Капитализм ведь заинтересован в повышении производительности или нет? Вот здесь и возникают вопросы. Сошлемся на статью О.Г. Седых и Д.Э. Аранчин: «По мнению экспертов, принятие в семью пожилого человека из благородных побуждений и увеличение числа граждан, желающих принять пожилого человека в семью, являются наи-

менее значимыми факторами для развития технологии» [12]. Может быть, российский капитализм и революционная агитация породили другой тип человека?

3. Судя по ленинским тезисам, все ресурсы социалистической страны уйдут на ее противостояние со всем миром, излишков, видимо, не будет, причем нужно будет привлекать к революционному движению угнетенных из других стран, что, по всей вероятности, встретит как минимум недоброжелательное отношение со стороны этих стран.

Написанию статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» непосредственно предшествовала конференция заграничных секций РСДРП, происходившая в феврале — марте 1915 г. в Швейцарии, в Берне. Статья «Военная программа пролетарской революции», написанная в 1916 г., была сначала в несколько переработанном виде опубликована в декабре 1916 г. в сборнике «Социал-Демократ» (№ 2) под названием «О лозунге разоружения». Впервые под своим первоначальным названием эта статья была напечатана в сентябре — октябре 1917 г. на страницах газеты «Интернационал молодежи» (№ 9–10), выходившей на немецком языке в Швейцарии, в Цюрихе. Интересно здесь не только место организации революционной борьбы, но и период.

Приведем цитату из статьи «Военная программа пролетарской революции»: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными» [13, с. 67].

В.И. Ленин писал: «Мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония), с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей — страну, наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [14, с. 246].

Ленинская теория империализма учит, что в эпоху империализма с невиданной силой обостряются все основные противоречия капиталистической системы. Капитализм в

целом развивается по нисходящей линии, становится загнивающим и умирающим. В.И. Ленин писал: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата» [14, с. 182]. Проблемы с развитием, как видим, есть не у всех капиталистических государств. Некоторые элементарно проигрывают в капиталистическом «соцсоревновании». В системе нарастают внутренние риски, которые, присутствуя, создают угрозу разрушения системы, их явно нужно переводить изнутри системы в другие системы, где как базовое основание заводится распад, и выводить за пределы сложившихся социальных, экономических и политических отношений. Создается страна-изгой, верящая в свою избранность, за которую заплатили утратой действительности и возможностей. Объект и субъект удвоились, возник субъект фантазмов и смещенный объект, причем нужно помнить, что основания процессов были заложены задолго до XX в. Отсылаем читателя к началу статьи.

Если вспомним, что Россия в начале XX в. объективно демонстрирует очень неплохие темпы экономического роста, будучи при этом «оплетенной густой сетью докапиталистических отношений», из нее легче всего сделать парию (козла отпущения; напомним: в Первую мировую войну были уничтожены три империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская), причем просто выключив ее из системы мировых хозяйственных связей.

Уровень производства после Гражданской войны, которую В.И. Ленин не только на практике, но и в теории рассматривает как этап перехода от мировой войны к социализму, будет весьма низким, экономика будет разрушена. Интересно, какому уровню развития такая экономика будет соответствовать? После любой гражданской войны начинается период экономической гонки, так как страной потеряно несколько лет спокойного экономического развития, разрушена инфраструктура, производство, утрачены позиции на мировом рынке. При чем тут вообще пролетариат? Его физически не остается. Страдают образование, медицина, гибнут молодые мужчины, остаются сиротами дети, появляется гигантское количество вдов, ухудшается качество рабочей силы. «Новый прогрессивный общественный строй».

Сошлемся еще на одну цитату из В.И. Ленина. В манифесте ЦК «Война и российская социал-демократия» В.И. Ленин писал: «Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать»

что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» [11, с. 16–17]. На чьей стороне Владимир Ильич, если отбросить пышную революционную риторику? Стоит обратить внимание на тему объединения Европы. Это совершенно нормальная социал-демократическая идея, за одним маленьким но: должны быть ликвидированы три европейских сверхдержавы. Возникает вопрос, кому это выгодно. Исходя из изложенного, можно понять, что Ленин занимает органичное место среди европейских социал-демократов, его политические взгляды — взгляды европейского социал-демократа, но они не выражают российских интересов.

Можем провести более современную аналогию. В статье Д.А. Степаненко и М.А. Мушинского читаем: «Под знаменем борьбы с экстремизмом не должен нарушаться принцип идеологического и политического многообразия. По сути дела, ч. 1 и 2 ст. 29 Конституции РФ призваны в корреляции между собой стать конституционно-правовой основой для разрешения в конкретных ситуациях, в том числе в процессе противодействия экстремизму, неизбежного аксиологического конфликта: гарантируя свободу мысли и слова, Основной закон в то же время запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. В данном случае важно найти золотую середину, а для этого нужна четкая официальная доктрина» [15, с. 807–808]. Возникает резонный вопрос: как найти золотую середину и насколько найденная середина будет соответствовать действительности? Печальный опыт у нашей страны имеется: официальные доктрины в условиях, диктуемых экстремизмом, не работают. Может быть, решение лежит в совершенно другой плоскости? Обратим внимание, что у в целом достаточно консервативных авторов при построении фраз в ход идет все та же левая, революционная риторика, механизм подачи информации, в лексическом плане характерный для советского марксизма, сохраняется.

Если для К. Маркса и Ф. Энгельса пролетарская революция была задачей ближайшего времени, то для В.И. Ленина она была непосредственной задачей дня. В своей статье «Империализм и раскол социализма» он указывает на тройную особенность империали-

стической стадии в развитии капитализма. Эта особенность состоит в том, что империализм есть: монополистический капитализм; паразитический, или загнивающий, капитализм; умирающий капитализм. Как это согласуется с темой развития капитализма до стадии империализма, непонятно, т.е. развитие своим итогом являет собой загнивание. Тогда, может быть, это не развитие, а деградация? Но тогда как здесь учитываются новые формы организации капиталистического хозяйства, например мировой рынок?

Проследим за мыслью В.И. Ленина, как в этом контексте он дает определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [14, с. 253]. На наш взгляд, первое определение империализма как-то не очень согласуется со вторым. Речь идет о загнивании или о развитии? Между этими определениями смысловая пропасть.

Возьмем Россию после революции и сравним ее с империалистическими державами по ресурсной составляющей, которую имеет в виду В.И. Ленин: во-первых, мировых монополий на территории России нет (или есть? Но отечественных монополий, присутствующих в других странах, точно нет); во-вторых, финансового капитала нет, страна не инвестирует, а нуждается в инвестициях (или же есть финансовый капитал других стран, а своего финансового капитала нет?); в-третьих, Россия в разделе мира не участвует, потеряв значительную часть своей территории. Да и формы империализма, на наш взгляд, изменились, работает система изменившихся исторических условий, на которую ссылались и В.И. Ленин, и И.В. Сталин, но теоретического прорыва в анализе капитализма почему-то не происходит. Судя по всему, исследования просто запрещены.

И.В. Сталин указывает: «Цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, не обязательно там, где капитализм более развит, где пролетариев столько-то процентов, а крестьян столько-то и так дальше». Вполне логично, но тогда речь идет о слаборазвитой экономической стране. Возникает вопрос, какой характер имеет происходящая революция, если в результате производство скатывается на докапиталистический уровень, нуждаются

в развитии даже отрасли, связанные с производством средств производства, в силу их разрушения или отсутствия, нормальное экономическое регулирование в стране не происходит, нужны жесткие директивные методы управления. Насколько все это социализм, каким критериям развития он соответствует и насколько более высокий уровень развития по сравнению с капитализмом и империализмом определяет?

И.В. Сталин указывал: «Марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, они не могут не знать, что оба эти вывода правильны, но не безусловно, а каждый для своего времени: вывод Маркса и Энгельса — для периода домонополистического капитализма, а вывод Ленина — для периода монополистического капитализма» [10]. Если убрать идеологические клише, то речь идет о чистейшем капитализме, основная тема которого — устранение конкурентов с рынка в контексте власти и властных отношений.

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как произведенное «сразу», одновременно, действие господствующих народов, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с коммунизмом мирового общения» [16, с. 25]. Стоит обратить внимание, что речь идет о коммунизме, а не о социализме.

Касаясь известного письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 8 октября 1858 г., И.В. Сталин пишет: «Вытекает ли из цитат Маркса, что победа социализма в отдельных странах невозможна при всяких условиях развития капитализма? Нет, не вытекает. Из слов Маркса вытекает лишь то, что победа социализма в отдельных странах невозможна только в том случае, если «движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии». Ну а как быть, если движение буржуазного общества в целом, в силу хода вещей, меняет свое направление и начинает идти по нисходящей линии? Из слов Маркса вытекает, что при таких условиях исчезает основание для отрицания возможности победы социализма в отдельных странах» [17, с. 87]. Если мы говорим об империализме, то по логике В.И. Ленина это период развития капитализма, тогда при чем здесь нисходящая линия? То есть, восходя, капитализм нисходит. Очень странно.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается, что, «изучая доимпериалистический капитализм, Энгельс и Маркс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой,

стране, что она может победить лишь при одновременном ударе во всех или в большинстве цивилизованных стран. Это было в середине XIX столетия. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов. Однако к началу XX столетия капитализм доимпериалистический перерос в капитализм империалистический, капитализм восходящий превратился в капитализм умирающий. На основании изучения империалистического капитализма Ленин, исходя из Марксовой теории, пришел к выводу, что старая формула Энгельса и Маркса уже не соответствует новой исторической обстановке, что социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой, стране»¹. Вопрос: если капитализм умирает, то кто ставит диагноз и по каким критериям? Нам кажется, дело совсем не в капитализме, а в теме власти над большой страной. Лексика тогда носит произвольный характер, описание скрывает истинное положение вещей.

И.В. Сталин в целом ряде своих выступлений обращает внимание на особые исторические условия, сложившиеся в России к концу XIX и в начале XX столетия. Наличие и сочетание этих условий привело к тому, что центр революционного движения переместился в Россию (если мы вспомним исторические факты, то центры организации российского революционного движения находятся в Швейцарии, Скандинавии, Великобритании и во Франции), а русский пролетариат стал авангардом борющихся революционных сил (успешно выполнив задачу по самоликвидации, уйдя тем самым с мирового рынка).

Воспроизведем цепочку мыслей И.В. Сталина. Во-первых, Россия была среднеразвитой (по мнению И.В. Сталина, у Ленина *слаборазвитая (sic!)*) в капиталистическом отношении страной. Она имела определенный уровень промышленного развития и индустриальный пролетариат, сосредоточенный на крупных предприятиях. Во-вторых, пролетариат в России был самой революционной и к тому же хорошо организованной силой (*это самый развитый пролетариат на планете? Почему вдруг?*). Его борьба вдохновлялась и направлялась большевистской партией (*чье руководство находилось за границей*). В-третьих, в лице революционных (*почему именно революционных?*) масс деревенской и городской бедноты, десятков миллионов людей угнетенных национальностей (*преследующих не революционные, а национальные интересы*) старой России рабочий класс

имел вернейших союзников, способных пойти за ним в решительный бой против империализма (*не пошел в бой с империализмом, а, устроив гражданскую войну, стал разрушать собственную страну; враги внутри страны, не отсюда ли — враг народа? И вообще, почему речь идет о пролетариате? Ведь был призыв на воинскую службу, в цехах оказались отнюдь не представители рабочего класса. У нас возникает вопрос, кого относить к рабочим. Как насчет Ленина и Сталина? Как насчет профессиональных революционеров?*). Наконец, в-четвертых, правящие классы в России, представленные помещиками и капиталистами, по сравнению с правящими классами западноевропейских стран были слабы и дезорганизованы (*кто ослабил, кто дезорганизовал и с какой целью?*). Государственный аппарат господствующих классов был расшатан и непрочен (*кто расшатал и разрушил?*). «Закон неравномерности развития в период империализма, — указывает И.В. Сталин, — означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариатом отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах» [17, с. 106].

Все очень логично, если уберем термины «пролетариат» и «социализм». Тогда у нас есть реальная картина «быстрого оттеснения с мирового рынка одних стран другими». Тогда мы проиграли, а не выиграли. Хорошо сохранились и преуспевают сейчас как раз те страны, где укрывались революционеры-«интернационалисты», их революционные события совершенно не затронули. Почему?

Г.М. Маленков в докладе о 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции говорил: «Никогда на протяжении всей своей истории наша Родина не была окружена столь дружественными к нашему государству соседними странами. С Советским Союзом теперь граничат: вместо враждебно относившегося к России польского государства — дружественная народно-демократическая Польша; вместо расчлененной гитлеровцами Чехословакии, еще недавно изнывавшей под игмом фашистских захватчиков, — дружественная народно-демократическая Чехословакия; вместо бывшего вассала гитлеровской Германии — Вен-

¹ История ВКП(б): краткий курс. М. : Госполитиздат, 1945. С. 341.

грии — дружественная Венгерская Народная Республика; вместо враждебной Советскому Союзу Румынии — дружественная Румынская Народная Республика; вместо старой Болгарии, являвшейся придатком гитлеровской военной машины, Советский Союз имеет верного друга в лице Болгарской Народной Республики; польский, чехословацкий, венгерский, румынский, болгарский народы спаяны вечной дружбой с народами Советского Союза; на востоке с Советским Союзом граничит связанная с нами многолетней дружбой Монгольская Народная Республика; нашим дружественным соседом является молодая Корейская Народно-Демократическая Республика, и, наконец, вместо закабаленного хищниками иностранного капитала Китая мы имеем теперь на востоке великого соседа — дружественную нам свободную Китайскую Народную Республику» (газета «Правда» от 7 ноября 1949 г.). Не многовато ли друзей, взявшихся неизвестно откуда? Очень уж легко употребляется слово «друг».

На самом деле все это результаты Второй мировой войны, а отнюдь не результаты социалистических революций. В странах социалистического блока были установлены просоветские режимы, т.е. наша страна вернулась к нормальному капиталистическому развитию, оставив себе пролетарскую и социалистическую риторику. Но стоит обратить внимание, что именно из-за этой риторики она по-прежнему воспринимается всеми как чужая, процессы, вполне естественные, воспринимаются в русле неестественной данности. Возникает вопрос цены — стоило ли устраивать революции? Видимо, стоило, если говорить о теме захвата власти, называя происходящее революцией, социализмом. В результате на планете появляется место для проведения социальных экспериментов.

«Оппортунизм не всегда означает прямое отрицание марксистской теории или ее отдельных положений и выводов. Оппортунизм проявляется иногда в попытках уцепиться за отдельные положения марксизма, ставшие уже устаревшими, и превратить их в догмы, чтобы задержать тем самым дальнейшее развитие марксизма, следовательно, задержать также развитие революционного движения пролетариата»². Вопрос, кто может отменять и пересматривать догмы. Не тот ли, у кого власть? Никаких существенных отмен догматов марксизма не случилось. Только Россию исключили из мирового экономического и культурного процесса, превратив

в страну-изгоя, в том числе из-за использования враждебной и весьма агрессивной лексики, подчеркивающей собственную изобретательность и уникальность, которую ты сам и определяешь, сообщаясь не с реальностью, а с формами описания реальности. Тогда тема риторик и описаний остается только для людей, которые хотят увидеть пьесу, а режиссеры и сценаристы уже определились, публика не может выбирать.

Из изложенного выше следует, что социальная данность может быть изменена. Уточняем — именно данность. Анализ тождественен и для литературных произведений, и для структур реальности. Л.Н. Толстой весьма показательный пример. В его субъективном видении существуют любимые и нелюбимые герои, но для него, как для автора, нет принципиальной разницы между «хорошими» и «плохими», есть просто персонажи, выполняющие свои функции. Логика произведения не тоже самое, что логика автора. Тогда мы заходим в тему авторства. Персонажи Л.Н. Толстого, будучи абсолютно недействительными, реальны по своему влиянию на людей и на их судьбы, заставляя сопереживать, чувствовать, думать. Можно предположить совершенно другой сценарий, что действительной является система воздействия, а реальными — результаты воздействия. Автор воздействия должен представлять, как устроена действительность, тогда он обладает рядом возможностей, которые обуславливают реальную связь между субъектом и объектом. Неважно, в какой парадигме это происходит — в деятельностной, марксистской, метафизической, диалектической. Всё это лишь формы описания процессов, а не сами процессы. Должно быть выделено действительное основание, на котором концентрируется субъект, а не его форма.

На основании всего изложенного В.И. Ленина и И.В. Сталина можно рассматривать как журналистов и пропагандистов, вместо понятий использовавших чувственные образы, которые без цензуры проникали в сознание людей, так как были окрашены чувствами и эмоциями. Такой уровень манипуляции возможен только у хорошо подготовленных людей, являющихся исполнителями в своих собственных пьесах. Вопрос, что это за пьесы. Самое тяжелое, что происходит с человеком, это розыгрыши пьес, придуманных для себя и закрывающих пустоту собственной жизни, — чистейшие субъектные отношения. Если мы знаем особенности пьес, которые разыгрывают люди для самих себя, мы можем оказывать влияние на реальность этих людей,

² История ВКП(б): краткий курс. С. 341–342.

что продемонстрировали Ленин и Сталин. Простейшие чувства, субъектные отношения, чувственно-образное мышление и человек и его сознание открыты для воздействия, потому что все сказанное воспринимается как свое, как своя правда. Логика и смыслы не работают — можно говорить о чем угодно, не забывая окрашивать сказанное в соответствующий эмоционально-чувственный тон (контекст, данность, определенность). Вместо реальности у слушающего и смотрящего появляется описание реальности, которое согласуется не с мыслями, а со страстями и переживаниями. Ужас еще и в том, что даже мыслящие люди вынуждены вступать в этот хоровод бессмысленности, вынуждены идти рука об руку с тем или с теми, кого не выбрали. Единственной возможностью исхода является продуманный переход к четкой осмысленной изоляции своей жизни.

Сошлемся на исследование кризиса среднего возраста Е.Л. Трофимовой, А.В. Васенкина и С.К. Малахаевой: «Таким образом, полученные исследовательские данные дают возможность описать психологические характеристики человека, переживающего кризис середины жизни: демонстративность (стремление к вытеснению неприятных мыслей и воспоминаний), возбудимость (склонность к раздражке, вспыльчивость), а сочетание этих шкал позволяет говорить о склонности к завышенной самооценке, дистимность (пониженное настроение), защита от негативных когнитивных проявлений в отношении себя, блокировка отрицательных эмоциональных состояний, нежелание глубоко погружаться в свои проблемы и рефлексировать, склонность уходить от переживания своих проблем, переключая внимание на внешние события, повышение значимости альтруистических и семейных жизненных смыслов, то есть смещение интересов в сторону социального окружения и снижение ориентаций на удовольствия и самореализацию, средняя степень выраженности вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости в целом» [18].

Возникает ряд резонных вопросов. Насколько выборка репрезентаций показывает действительное положение вещей? Не совсем понятно, как завышенная самооценка оказалась связана с дистимностью, где логические основания перехода для интерпретации эмпирических данных? Эмпирические данные сами по себе не могут использоваться в качестве логических и теоретических процедур исследования. В указанной нами статье есть теоретическое основание, благодаря которому все данные относятся к системе психологическо-

го исследования. У Ленина и Сталина никаких отсылок и оснований нет, база произвольно меняется при помощи ссылок на изменившиеся исторические условия.

Создается тема идеологий, окрашенных чувствами и связанных с пропагандой. Пропаганда строится по четким законам. Нужно иметь в виду, что у пропаганды есть всегда четко выраженные мотивы и цели, которые понятны не пропагандистам, а тем, кто создает тексты для пропагандистов, — для них они реальны и действительны. Для тех, кто оказывается под воздействием, актуальны не реальность и действительность, а их собственные переживания и страсти по поводу действительности, логика воздействия двойственна: у воздействующего, у которого есть действительность и реальность, работает познавательный и практический компонент; у подвергающегося воздействию — страстный. В ретроспективе происходит откат к детской первооснове, сотканной из страстей. Чувства у человека раскрываются не сразу, а с возрастом. Есть чувства раннего детства, которые не прожиты и не поняты, на человека с такими чувствами легче всего оказывать воздействие, так как работает тема захваченности, а не тема понимания.

Понимать можно то, что стало результатом познавательной или практической деятельности, здесь марксизм и марксистские пропагандисты абсолютно правы. Описание реальности в системе того, что кругом враги, связано с искусственно наводимой паранойей. В нормальных обстоятельствах нужно понимать, что враг должен быть идентифицирован, что человек, плохо относящийся лично к тебе, может быть хорошим человеком, и что вообще большинству людей нет никакого дела до нас. Но если ты понял, что кругом враги, возникает вопрос, как ты это понял. В этой области и начинается пропаганда. Она опирается не на тему желаний, а на тему фантазмов, которые делают желания действительными, но это не действительность желаний, а действительность фантазмов. Необходимо иметь в виду: чтобы воздействовать на фантазм, нужно опираться на принцип реальности, четко осознавая, для чего осуществляется воздействие. В.И. Ленин и И.В. Сталин могли четко отвечать на этот вопрос для себя, не уведомляя об этом других, но мы можем по анализу их трудов предположить, что на самом деле они подумывали. Имеющий уши да услышит.

У Ж. Рансьера есть наблюдение о взаимодействии политики и морали: «Говорить о деле другого, очевидно, означает отсылать

политику к тому, чем она не стремится быть и к чему у нее нет оснований стремиться, а именно — к морали» [19, с. 177]. Мы можем выделить несколько моментов. Политика и мораль действительно не тождественные понятия. Из дальнейших рассуждений Ж. Рансьера следует, что политика существует как дело самосохранения сообщества, а мораль реализуется как принцип уважения другого. Тогда как соотносятся наши рассуждения с принципами морали и политики? Ответим сразу — никак.

Пиар и идеология не про политику и мораль — это тема власти. Политика и мораль лишь формы выражения власти. Если мы говорим о морали в системе воздействия на социум, она приобретает форму личной морали: я не предаю себя и не предаю объект. Если вместо объекта мы заходим в субъектные отношения, именно там начинает разрушаться мораль, подменяясь личными представлениями о должном и недолжном. Если речь идет о политике, то сообщество должно выделиться, чтобы перейти к стадии самосохранения. Мораль и политика лишь инструментарий данности, тогда как подлинные основания скрываются в объекте.

Если субъект реагирует на объект личной данностью, здесь и находятся основания для манифестации объекта, причем независимо от готовности субъекта к принятию объекта. Если личная данность субъекта — это трусость и ненависть, они и будут для субъекта объективными формами выражения независимо от того, каковы возможности, действительность и реальность. Субъект реагирует тем, что у него есть. Поэтому, если правильно определено объектное содержание субъекта, именно здесь и родится реальность субъекта

как прорыв потаенного и рождение его на белый свет. Только вопрос, что рождается. Рождается то, что уже есть, — ключевая тема не рождения, а прорыва. Пиар и идеология выступают как повитухи того, что есть. Чужой родившийся от этого вовсе не чужой, это лишь то, что таилось и теперь прорывается как страсть, сметая барьеры и не порождая нового, создавая вечный цикл. Понятийное мышление в этом контексте нужно только авторам и деятелям, что наглядно продемонстрировали В.И. Ленин и И.В. Сталин: их тексты совершенно не про экономику, не про мораль, не про политику. Их тексты и действия — тексты воздействия и данности (неважно, в какой форме реализуемые). Стоит обратить внимание, что те, на кого они воздействуют в своих «текстах», не замечают логических нестыковок, поскольку погружены в собственные переживания, ведь внешний мир в таких социальных системах опасен и понуждает использовать даже в повседневности язык воздействия.

Уметь иметь дело с вещью (миром) способен далеко не каждый, но если вещь связывается с мыслью, мы узнаем лучше не вещь, а прежде всего самих себя, только тогда вещь для нас занимает присущее ей место, которое она занимала и без нас.

Мы живем в эпоху, когда пиар, на первый взгляд, качественно изменился, но это не так; мы живем в удивительной стране, где новейшие гуманитарные технологии были впервые применены для изменения социальной реальности, уничтожения памяти и забвения личных интересов. И не стоит ли нам решить задачи качественного социального преобразования других стран, которые так «позаботились» о нас в XIX–XX вв.?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Сочинения. В 30 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Политиздат, 1955. — 650 с.
2. Гегель Г. Сочинения. В 14 т. Т. 1, ч. 1 / Г. Гегель. — Москва : Госполитиздат, 1929. — 437 с.
3. Гегель Г. Сочинения. В 14 т. Т. 5, ч. 1 / Г. Гегель. — Москва : Госполитиздат, 1937. — 814 с.
4. Кожевина А.П. Особенности психических состояний при различном уровне эмоционального выгорания у педагогов / А.П. Кожевина, С.В. Дубровина. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).6 // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 2. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22998>.
5. Босхолов С.С. Криминологическая оценка результатов математического моделирования динамики процессов изменения численности народонаселения в целях критики преступных идей неомальтузианства / С.С. Босхолов, А.П. Миронов, Т.М. Судакова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).727-739 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 727–739.
6. Бернейс Э. Пропаганда / Э. Бернейс. — URL: [http://userbooks.bookfi.net/2/8e6f23786592aaf9aaa3adbcd6783383/_as/%5BBerneis_YEdvard%5D_Propaganda\(BookFi\).pdf](http://userbooks.bookfi.net/2/8e6f23786592aaf9aaa3adbcd6783383/_as/%5BBerneis_YEdvard%5D_Propaganda(BookFi).pdf).
7. Lacan J. *Écrits* / J. Lacan. — Paris : Editions du Seuil, 1966. — 926 p.
8. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 1 / под ред. Ф.В. Константинова. — Москва : Сов. энцикл., 1960. — 504 с.
9. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Учение о Пути и Благой Силе / Лао-цзы. — Москва : КСП, 1998. — 218 с.
10. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания / И.В. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1950. — 48 с.
11. Ленин В.И. Сочинения. В 40 т. Т. 21 / В.И. Ленин. — 4-е изд. — Москва : Политиздат, 1948. — 456 с.
12. Седых О.Г. Приемная семья для граждан пожилого возраста как инновационная технология социальной работы / О.Г. Седых, Д.Э. Аранчин. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).2 // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 3. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=23260>.

13. Ленин В.И. Сочинения. В 40 т. Т. 23 / В.И. Ленин. — 4-е изд. — Москва : Политиздат, 1949. — 404 с.
14. Ленин В.И. Сочинения. В 40 т. Т. 22 / В.И. Ленин. — 4-е изд. — Москва : Политиздат, 1948. — 376 с.
15. Степаненко Д.А. Эффективность противодействия экстремизму / Д.А. Степаненко, М.А. Мушинский. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 803–815.
16. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 1-е изд. — Москва : Политиздат, 1933. — Т. 4. — 593 с.
17. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1952. — Т. 9. — 383 с.
18. Трофимова Е.Л. Особенности психологического портрета людей, переживающих кризис среднего возраста / Е.Л. Трофимова, А.В. Васенкин, С.К. Малахаева. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).1 // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 1. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22696>.
19. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер ; пер. с фр. — Москва : Праксис, 2006. — 238 с.

REFERENCES

1. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1955. Vol. 3. 650 p.
2. Hegel G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1929. Vol. 1, pt. 1. 437 p.
3. Hegel G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1929. Vol. 5, pt. 1. 814 p.
4. Kozhevina A.P., Dubrovina S.V. Features of Mental States at Different Levels of Teachers' Emotional Burnout. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 2. DOI: 10.17150/24116262.2019.10(2).6. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22998>. (In Russian).
5. Boskholov S.S., Mironov A.P., Sudakova T.M. Criminological Assessment of the Results of Mathematical Modeling of the Dynamics of Changes in the Population Size and Criticism of the Criminal Ideas of Neo-Malthusianism. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 727–739. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).727-739. (In Russian).
6. Bernays E. *Propaganda*. Available at: [http://userbooks.bookfi.net/2/8e6f23786592aaf9aaa3adbcd6783383/_as/%5BBerneis_YEdvard%5D_Propaganda\(BookFi\).pdf](http://userbooks.bookfi.net/2/8e6f23786592aaf9aaa3adbcd6783383/_as/%5BBerneis_YEdvard%5D_Propaganda(BookFi).pdf). (In Russian).
7. Lacan J. *Ecrits*. Paris, Editions du Seuil, 1966. 926 p.
8. Konstantinov V.F. (ed.). *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1960. Vol. 1. 504 p.
9. Lao Tzu. *Dao De Tszin. Uchenie o Puti i Blagoi Sile* [The Way of Live]. Moscow, KSP Publ., 1998. 218 p.
10. Stalin I.V. *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and Problems of Linguistics]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950. 48 p.
11. Lenin V.I. *Sochineniya* [Works]. 4th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1948. Vol. 21. 456 p.
12. Sedykh O.G., Aranchin D.E. Foster Family for the Elderly as an Innovative Technology in Social Work. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 3. DOI: 10.17150/24116262.2019.10(3).2. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=23260>. (In Russian).
13. Lenin V.I. *Sochineniya* [Works]. 4th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1949. Vol. 23. 404 p.
14. Lenin V.I. *Sochineniya* [Works]. 4th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1948. Vol. 22. 376 p.
15. Stepanenko D.A., Mushinskiy M.A. The Effectiveness of Counteracting Extremism. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 803–815. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815. (In Russian).
16. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 1st ed. Moscow, Politizdat Publ., 1933. Vol. 4. 593 p.
17. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. Vol. 9. 383 p.
18. Trofimova E.L., Vasenkin A.V., Malakhayeva S.K. Features of Psychological Portrait of People Undergoing Middle-Age Crisis. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).1. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22696>. (In Russian).
19. Rancière J. *Aux bords du politique*. Paris, La Fabrique, 1988. (Russ. ed.: Rancière J. *Na krayu politicheskogo*. Moscow, Praksis Publ., 2006. 238 p.).

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, проректор по инновационной деятельности и внешним связям, заведующий кафедрой философии, искусствознания и журналистики, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

Для цитирования

Атанов А.А. Социальная действительность в системе текстового воздействия: российский излом / А.А. Атанов. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(4).560-575 // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 4. — С. 560–575.

Author

Andrei A. Atanov — D.Sc. in Philosophy, Professor, Vice-Rector for Innovation Activities and External Relations, Head of the Department of Philosophy, Art Studies and Journalism, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

For Citation

Atanov A.A. Social Reality in the System of Textual Influence: the Breaking Point in Russian History. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 4, pp. 560–575. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(4).560-575. (In Russian).